

ИДЕАЛЬНЫЙ

ТРИЛЛЕР

ЛЮСИНДА
БЕРРИ

Я НЕ СОЙДУ
С УМА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б51

Lucinda Berry
A PERFECT CHILD

Серия «Идеальный триллер»

Публикуется с разрешения Amazon Publishing, www.apub.com,
при содействии Литературного агентства «Синописис»

Перевод с английского *Анны Федоровой*

Оформление обложки *Яны Половцевой*

Берри, Люсинда.

Б51 Я не сойду с ума : [роман] / Люсинда Берри ; [перевод с английского А.В. Федоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Идеальный триллер).

ISBN 978-5-17-119719-3

Кристофер и Ханна счастливы в браке уже много лет, однако долгое время не могут завести ребенка. Однажды в больницу, где работает Кристофер, поступает израненная девочка, Джейни.

Несмотря на физические и психологические травмы ребенка, Кристофер и Ханна решают удочерить Джейни, которая боготворит Кристофера. Но, обижая и игнорируя Ханну, девочка мастерски манипулирует Кристофером, разрушая былое счастье супругов.

Какие тайны невинной с виду Джейни выйдут на поверхность, когда станет ясно, что Ханна наконец беременна и ждет своего собственного ребенка?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-119719-3

© Люсинда Берри, 2019
© Федорова А. В., перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Моим читателям,
которые были со мной с самого начала*

ДЕЛО № 5243

ДОПРОС ПАЙПЕР ГОЛЬДШТЕЙН

— Это ваше первое дело об убийстве, — проговорил он сухим деловым тоном. Под голубой рубашкой на груди играли мышцы.

Я много раз бывала в полиции на допросах, легче от этого не становилось. Нервы взвинчивались сами собой. Вечно такое ощущение, будто я вру, даже когда говорю правду.

Я прочистила горло.

— Не первое.

Хотела бы я жить в мире, далеком от жестокости, но со своей работой я повидала разное. Просто я не ожидала, что Бауэры окажутся замешаны в чем-то ужасном.

— Как вы узнали, что в деле наметились сдвиги?

Я взглянула на двустороннее зеркало за нами. Хотя в комнате мы были вдвоем, я знала, что мы не одни.

— Клэр рассказала.

— Клэр? — он приподнял брови.

— Коллега, — быстро ответила я.

Трудно поверить, но Клэр вошла в мой кабинет меньше часа назад. Мы всегда первыми приходили по утрам, и я предположила, что она всего лишь хочет

узнать, как прошло мое свидание накануне вечером: ее оно волновало гораздо сильнее, чем меня. Она замужем уже двадцать лет и теперь рьяно интересовалась моей жизнью. Должно быть, ей очень скучно в браке, раз моя личная жизнь так ее увлекает. Мои свидания совершенно того не стоили.

Офицер сверлил меня глазами. Он хотел узнать больше, но я не собиралась говорить. Он оперся локтями о стол и склонился вперед.

— Что именно она рассказала?

Должно быть, он новенький, я его раньше не видела. В таком маленьком городке, как Кларксвилль, даже полицейских знаешь в лицо. Он представился, когда зашел в комнату ожидания, но я тогда ничего не осознавала от потрясения.

Я пожалала плечами, нервно перебирая пальцами под столом.

— Она почти ничего не сказала, но я сразу поняла, что что-то стряслось, когда она вошла в мой кабинет.

Я только что вошла в свою учетную запись на компьютере и разбирала дела на текущий день, когда Клэр просунула голову в дверь; я даже первую чашку кофе еще не допила.

— Господи, дорогая, почему бы тебе просто не ходить на свидания вместо меня? — пошутила я, но шутка осталась без ответа, и я заметила выражение ее лица.

Обычная игривость исчезла, ей на смену пришла серьезность. У каждого из нас такое есть. Лицо, с которым мы ходим, когда дело настолько ужасно, что не дает уснуть ночью, проникает в наши сны, если удастся задремать; эти дела заставляют социальных работников, у которых есть дети, крепче прижимать их к себе.

Я не сойду с ума

— То есть вы сами догадались? — судя по тону, он не совсем мне верил.

Я ненавидела работать не сообщая. Нельзя быть по другую сторону закона и не чувствовать себя преступником. Невозможно.

— Я догадалась, что случилось что-то ужасное, но понятия не имела, что именно и кто в этом замешан. — Я уже в третий раз посмотрела на телефон, мечтая, чтобы он завибрировал. Я же не под арестом. Я могла уйти, когда захочу, но тогда бы выглядело так, будто я что-то скрываю.

— Что вы подумали, когда узнали, что это семья Бауэр?

Я сглотнула, сдерживая рвущиеся из горла эмоции.

— Я надеялась, они наконец получают ответы. Они мне как семья.

Он заглянул в папку с документами перед собой.

— Здесь написано: вы первый соцработник, занимавшийся этим делом.

Я кивнула, потом вспомнила, что разговор записывается, и сказала:

— Да.

— И каково это было?

Как описать, на что были похожи последние два года? Это было самое сложное дело в моей карьере, и закончилось оно наихудшим образом. Я так много сомневалась, все время гадала, правильные ли решения я принимала по отношению ко всем участникам; что, если я ошибусь? Что, если я частично несу ответственность за произошедшее? Я сделала глубокий вдох, пытаясь прояснить мысли.

— Нельзя было и мечтать о лучшем доме для Джейни. Я уже двадцать лет работаю в Службе по защите

прав детей и знаю, как много плохих приемных семей. Многие берут детей ради денег, для них семья — это бизнес, но Бауэры были хорошими. Они просто хотели помочь. — Мои глаза наполнились слезами, я не смогла их сдержать, как ни пыталась. Я быстро вытерла глаза, смущаясь, что показала себя такой сентиментальной. — Извините. Все происходит так быстро.

— Я понимаю, — ответил он, но я знала, что это не так. За много лет я ни разу не видела плачущего копа. Он подождал пару мгновений и продолжил: — Вам не будет проще, если мы начнем сначала?

Какая разница, с чего начинать? Легко все равно не будет.

1

ХАННА БАУЭР

— Я это так не оставлю. Не буду с ним говорить, пока не извинится, — заявила Обри бескомпромиссным самоуверенным тоном, присущим всем незамужним женщинам, не поднимая глаз от телефона. Я уже почти забыла о ее присутствии, потому что она не отрывала глаз от телефона с того момента, как мы вошли в комнату отдыха больницы, ее пальцы с сумасшедшей скоростью летали по экрану.

Мы со Стефани синхронно закатали глаза. Последние десять минут Стефани костерила своего мужа: как он разбрасывает грязные носки по всему дому, не выносит мусор и не смывает курчавые черные волосы в раковину после бритья. Она указала ему на это, тем самым возобновив давнишний спор о том, что она кобыла, а он не желает нести свою долю домашних обязанностей, которые за десяток лет в браке другой бы твердо усвоил. Спор перерос в жуткий скандал.

— От злости он становится таким авторитарным. Заговаривает мне зубы, сваливает все на меня, сама не замечаю, как уже я начинаю извиняться. Меня это с ума сводит, — продолжала Стефани, запихивая разогретые в микроволновке макароны в рот.

— Слушай, я вчера вечером уже говорила, нам нужны выходные без мужчин. Мы давно не собирались, — сказала я. В прошлый раз мы заселились в отеле «4 Сезона» и бездельничали, попивали вино на краю бассейна и балдели в спа. Мне тогда понравилась маска для лица с папайей, давно хотела ее повторить.

— Конечно. Говори когда, — ответила Стефани.

Один из наших коллег, Карл, засунул голову в дверь:

— Эй, вы нам нужны.

Мы мгновенно пришли в движение, убрали за собой беспорядок и вышли, втирая в руки антибактериальную пену. Сестринский пост гудел от движения и нетерпения, все были наготове. Стефани сразу преобразилась в старшую медсестру и напрямик направилась к доктору Холлу. Под управлением этой парочки отделение неотложной помощи работало как часы.

Я склонилась к Карлу:

— Что случилось?

— Точно не знаю, — пожал он плечами. — Кажется, потерявшийся ребенок, в тяжелом состоянии. «Скорая» приедет в сопровождении полиции.

У меня в животе все перевернулось. Одно дело лечить больных детей. Другое дело — травмированных, а присутствие полиции всегда предвещало особо тяжелые случаи. К этой части своей работы я никогда не привыкну. Я посмотрела на пульт, проверяя, сколько моих палат открыты, и выдохнула с облегчением, увидев, что все закрепленные за мной кровати заняты.

Кнопка вызова у восьмой кровати мигала, и я отправилась проверить, чего хочет Элоиз.

Она была у нас частым гостем. Вдова, она часто приходила в неотложную помощь, чтобы справиться с одиночеством. С ней никогда не происходило ничего серьезного. Одна из самых здоровых восьмидесятилетних людей, с кем я работала, но пару недель назад она приехала в уверенности, что умирает. Жаловалась на острую боль в бедре и боялась, что у нее тромб.

Она улыбнулась с постели, морщинки под глазами пришли в движение. Жестом попросила подойти. Я наклонилась, привычно приобняв ее. Мое обоняние уловило знакомый запах ванили и талька. Она крепко сжала меня в объятьях, а потом оттолкнула на расстояние вытянутой руки, все еще удерживая за предплечье.

— Здравствуй, милая. Не хотела беспокоить, но вы еще не получили моих результатов?

Я покачала головой и подошла к изголовью поправить капельницу.

— Мы все еще ждем результатов от лаборатории УЗИ. Извините. Это может занять некоторое время, сегодня вечером много работы.

Как по заказу, наш разговор прервал звук полицейских раций. Элоиз выглянула из-за ширмы, пытаясь разглядеть полицию.

— Что тут происходит?

Она наклонилась, пытаясь заполучить лучший обзор.

— Там так много полицейских. Почему? Я в опасности?

— С вами все будет хорошо. Я не допущу, чтобы с вами что-либо случилось, — я похлопала ее по руке. Рыхловатая кожа говорила о том, что у нее снова обезвоживание.

— А вам, мисс Штучка, — я игриво погрозила пальцем, — надо больше пить. Сколько раз я это уже говорила?

Она опустила голову, но не смогла скрыть улыбку в уголках губ. Я проверила ее жизненные показатели, отметила их в табличке.

— Я буду следить за вашими анализами и сообщу, как только что-то узнаю. Договорились?

— Договорились, — она скрестила руки на груди, устраиваясь поудобнее. Закрыла глаза, часть морщин на лице разгладилась. Она мне как-то сказала, что не может спать одна, боится, что кто-нибудь вломится к ней в дом, пока она спит. Неудивительно, что в больницу она всегда попадала ночью. Она сказала, даже не открывая глаза: — Попробуйте разузнать, что здесь делает полиция.

— Попробую, — пообещала я, уже направляясь проверить других моих пациентов. Я бы не смогла ей рассказать, даже если бы что-то узнала.

Ночь становилась все насыщеннее, и до четырех я ни разу не присела. Я налила себе кофе и включила компьютер, собираясь заняться записями, пока у меня короткая передышка. Стефани пододвинула ко мне стул.

— Слышала, что случилось? — спросила она.

Я уже и забыла про полицию. Я покачала головой.

— У меня ни секунды свободной не было. Мы еще и люмбальную пункцию пациенту с шестой кровати делали. — Я открыла файл первого пациента и принялась просматривать его анализы крови в поисках нужного для отчета. — Что я пропустила?

— Полиция привезла брошенную маленькую девочку. Ее избили. Бродила по парковке в одном подгузнике и каком-то странном ошейнике на шее. Ужас, да? — Она говорила быстро, чтобы успеть рассказать прежде,

чем ее позовут к следующему пациенту. — Она не подпускала к себе полицию. Полицейским только втроем удалось запихнуть ее в машину. Грязная, руки в крови, а нам не разрешают ее помыть, пока они не соберут все улики. Никто понятия не имеет, кто она и откуда.

Во мне поднялся гнев на несправедливость. Почему в этом мире детей дают тем, кто их бьет? Почему не тем, кто мечтает о ребенке, как я?

Мы с мужем, Кристофером, годами пытались завести ребенка, но нас подстерегало одно разочарование за другим. Когда наш врач поставил мне бесплодие, мы обратились к другому, но тот лишь подтвердил диагноз: я никогда не смогу сама зачать ребенка. Я сглотнула с горечью. Бывают дни легче, но сегодня не один из них.

— О родителях что-нибудь известно? — спросила я.

— Нет. Ничего. Подозревают, что она либо пришла из трейлерного парка по другую сторону дороги, либо ее там кто-то высадил.

Она поморщилась от отвращения.

— Она тощая, словно много дней ничего не ела.

— Бедняжка. Надеюсь, ее родителей найдут, и это окажется случайностью, каким-нибудь недоразумением.

Стефани подняла брови.

— Случайность? Что за недоразумение может привести к тому, что твой младенец потеряется на парковке в одном подгузнике? И еще кровь. Об этом ты забыла?

— Кто-то же должен быть оптимистом.

Хотела бы я и вправду быть столь оптимистична, как делала вид. Раньше я была такой. Больше не могу.

Стефани рассмеялась и сжала мою руку.

— Вот это мне в тебе и нравится, — сказала она перед уходом.

Дома Кристофер ждал меня с чашкой ромашкового чая. В одной руке у него была собственная чашка утреннего кофе, а в другой — моя любимая кружка с надписью «Мопсов много не бывает», хотя собак у меня никогда не было. В последние два года я работала в ночные смены, а он — днем, если ничего не случилось, так что мы редко бывали дома одновременно, но нам такой график подходил. Он давал нам возможность соскучиться, а это иногда важно для отношений, даже если любить друг друга так сильно, как мы.

Я сбросила туфли, взяла кружку и прошла за ним в гостиную. Плюхнулась на диван, утонув в нем, перьевые подушки приняли форму моего тела. Когда мы только купили дом и обставляли его, этот предмет мебели вызвал больше всего споров. Гостиная — первая комната, которую видишь, войдя в дом, и ему казалось, там уместен строгий диван, чтобы все выглядело мило и безупречно. Но дом не очень большой, и другой гостиной в нем не предполагалось, так что я понимала, что здесь мы будем проводить все время, а значит, диван должен быть удобным. В итоге я победила, а он потом неоднократно говорил, как рад, что его не ждет дома жесткий диван.

Он сел на другом конце, я вытянула ноги ему на колени. Он снял с меня носки и начал массировать ступни. Когда я первый раз рассказала сестре, как он массирует мне ноги после работы, она заявила, что это только пока мы молодожены, но он все еще так делал спустя много лет брака. Если я заставляла его дома после смены, он массировал мне ступни. Точка. И неважно, если сам оперировал двенадцать часов подряд.

— Ну? — спросил он, поднимая брови.

Невозможно работать в медицине и не попасть под ее влияние. С течением лет мы стали личными психотерапевтами друг для друга. Мы, как никто другой, понимали, что значило нести ответственность за жизни других людей. Не работающему в медицине этого не понять

— Элоиз опять у нас.

— Что на этот раз?

— Тромб.

— И?

— Отрицательно.

Он улынулся. Он зачесывал темные волосы назад, прикрывая прядями начинающую лысеть макушку. Его очень беспокоила потеря волос, а мне было все равно. Я любила его усталый вид, как по мне, он с годами становился только привлекательнее. Мужчинам в этом плане вообще везет. Даже морщины ему к лицу.

— Как у тебя прошел день? — спросила я.

— Две операции. Три консультации.

Кристофер работал хирургом-ортопедом в больнице «Нортфилд Мемориал», там же, где и я. Это самый крупный региональный госпиталь в Огайо, мы и познакомились там в кафетерии, когда он еще был первокурсником, работал целый день и учился ночами. Он был таким сосредоточенным и целеустремленным, что едва не упустил меня из виду, но рабочая этика принесла свои плоды. В итоге он оказался в ординатуре, потом остался работать по специальности.

— Интересные случаи были? — спросила я.

Он покачал головой.

— Кстати, пока не забыл, обязательно прочитай письмо от Бианеллы. Она хочет, чтобы мы поехали на следующих выходных на семинар по международному

Я не сойду с ума

усыновлению. Там будет круглый стол для родителей о скрытых сложностях при усыновлении детей из-за границы, — сказал он.

Бианелла — наш специалист из органов опеки. Мы связались с ней после того, как репродуктолог в последний раз усадил нас перед собой и рассказал мрачную статистику. Мне уже было под сорок, и нас не прельщала судьба престарелых родителей. Я тогда думала, что усыновить ребенка очень легко, но в свое время я так же думала, что очень легко забеременеть. У нас уже была одна неудачная попытка, и она принесла столько же боли, как и выкидыши.

— Я не уверена, что готова взять ребенка-иностранца, — сказала я.

— Знаю. Я тоже. Просто почитай письмо и скажи потом, что ты думаешь. — Кристофер убрал мои ноги с коленей. — Мне пора собираться.

Он пошел на кухню поставить кружку в посудомойку, я двинулась напрямиком в спальню, но вдруг кое-что вспомнила.

— Кристофер! — окликнула я.

— Что?

— Я забыла кое-что рассказать. — Я сделала паузу, чтобы убедиться, что он слушает. — Полиция сегодня привезла брошенного маленького ребенка.

2

КРИСТОФЕР БАУЭР

Я только что вернулся в кабинет после изнурительной шестичасовой операции по восстановлению кисти, которая оказалась гораздо сложнее, чем мы ожидали. Я как раз наливал себе чашку кофе, когда